

ЦИФРОВОЙ УПК: НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВА

Сергей Васильевич Зуев¹, Анатолий Игоревич Зазулин²

¹ Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
zuevsergej@inbox.ru

² Юридическая фирма «Интеллект», Екатеринбург, Россия
a.zazulin@intellect.law

Аннотация. Вопросы развития уголовно-процессуального права с целью создания цифрового уголовно-процессуального закона рассматриваются в настоящей работе. Предметом исследования выступают следственные действия, технологии, а также средства фиксации, электронные документы и текст закона. Новая концепция основана на таких направлениях, как: 1) цифровизация расследования; 2) цифровая (виртуальная) среда правоприменения; 3) машиночитаемость правовых норм. Обосновывается, что использование искусственного интеллекта позволит реализовать идею виртуального уголовного процесса, когда большая часть процессуальных действий может быть произведена онлайн, в том числе в ходе судебных заседания.

Авторы утверждают, что отправление правосудия по уголовным делам в настоящее время как никогда ранее выглядят архаично. Борьба с преступностью, в большей степени перешедшая в виртуальное пространство, требует разработки и внедрения новых эффективных способов ведения следствия и обеспечения прав граждан в цифровой среде. Цифровизация предполагает пересмотр самого представления о законе и его применении.

Под цифровым УПК предлагается понимать нормативно-правовой акт, призванный регулировать уголовно-процессуальные отношения, возникающие в цифровой среде в связи с осуществлением уголовного преследования лиц, совершивших преступления, а также обеспечивать отправление правосудия, в том числе путем использования машиночитаемого юридического текста.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, цифровизация уголовного процесса, цифровой уголовно-процессуальный закон, цифровизация расследования, цифровая среда правоприменения

Для цитирования: Зуев С. В., Зазулин А. И. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 67–77. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-67-77

Research article

DIGITAL CRIMINAL PROCEDURAL CODE: NEW CONCEPT OF LAW DEVELOPMENT

Sergey V. Zuev¹, Anatoly I. Zazulin²

¹ South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
zuevsergej@inbox.ru

² Intellect Law Firm, Yekaterinburg, Russia
a.zazulin@intellect.law

Abstract. The issues of development of criminal procedural law in order to create a digital criminal procedural law are considered in this paper. The subject of the study is investigative actions, technologies, as well as means of recording, electronic documents and the text of the law. The new concept is based on such directions as: 1) digitalization of investigation; 2) digital (virtual) environment of law enforcement; 3) machine-readability of legal norms. It is argued that the use of artificial intelligence will make it possible to realize the idea of virtual criminal proceedings, when most of the procedural actions can be performed online, including during court hearings.

The authors argue that the administration of justice in criminal cases is now more archaic than ever before. The fight against crime, which to a greater extent has moved to the virtual space, requires the development and implementation of new effective ways of conducting investigations and ensuring the rights of citizens in the digital environment. Digitalization implies a revision of the very idea of the law and its application.

Under the Digital Criminal Procedural Code it is proposed to understand a legal act designed to regulate criminal procedure relations arising in the digital environment in connection with the criminal prosecution of persons who have committed crimes, as well as to ensure the administration of justice, including through the use of machine-readable legal text.

Keywords: criminal procedural law, digitalization of criminal procedure, digital criminal procedural law, digitalization of investigation, digital law enforcement environment

For citation: Zuev SV, Zazulin AI. Digital Criminal Procedural Code: new concept of law development. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(1):67-77. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-67-77 (In Russ.)

Введение

Правовые нормы призваны решать насущные проблемы общества и подстраиваться под его потребности, в какой-то степени они универсальны. На пути прогресса не прекращается развитие науки и техники — изменяется и человечество, и правовые отношения. Каждая итерация правовой ситуации отличается от предыдущей и подталкивает законодательство к изменениям в стремлении к улучшению механизмов обеспечения порядка. В связи с этим правотворческой задачей является постоянный мониторинг современных тенденций меняющегося мира и приведение право с ним в соответствие.

Бум цифровых технологий не теряет своей актуальности, напротив, эти технологии в последние десять лет настолько сильно изменили жизнь каждого, что уже сегодня можно наблюдать отставание права от уровня потребностей во многих сферах жизнедеятельности. Суды и процесс отправления правосудия как никогда ранее выглядят архаично. Борьба с преступностью, в большей степени перешедшая в виртуальное пространство, требует разработки и внедрения новых эффективных способов ведения следствия и обеспечения прав граждан в цифровой среде. Цифровизация требует пересмотра самого представления о законе и его применении. На передний план выступают такие свойства правоприменения, как: быстрота, надежность, эффективность.

Описание проводимого исследования

В связи с активным развитием современных технологий своевременно ставить задачу о создании цифрового уголовно-процессуального закона. Концепция предполагает развитие права по трем направлениям, каждое из которых связано с модернизацией уголовного судопроизводства и совершенствованием механизмов правового регулирования: 1) цифровизация расследования; 2) цифровая (виртуальная) среда правоприменения; 3) машиночитаемость правовых норм. УПК должен быть цифровым не по наименованию, а по смыслу, по предмету правового регулирования. При этом переход на цифровой УПК следует проводить поэтапно:

с учетом указанной последовательности ее основных элементов, модернизации отдельных следственных действий и ввода новых цифровых, широкого внедрения электронного документооборота, перехода на электронное производство по отдельным категориям дел, развития цифровых технологий на всех стадиях уголовного судопроизводства, совершенствования как отдельных норм, так и институтов уголовно-процессуального права, разработки цифровых платформ, компьютерных программ и систем. Также следует решать вопросы, связанные с защитой данных, используемых в заданной цифровой среде.

Результаты проводимого исследования, обсуждение

1. Цифровизация расследования

1. Модернизация существующих следственных действий

Доказывание справедливо считается движущей силой, ядром уголовного процесса, в рамках которого доказательственное значение имеют следы преступления и порядок преобразования их в полноценное доказательство. С одной стороны, цифровая информация может выступать в качестве первичного следа, то есть сведений о совершенном преступном деянии, отраженном в виде двоичного кода, записанного на специальном носителе. К таким следам могут относиться цифровые видео- и аудиозаписи, электронные документы, сообщения электронной почты и мессенджеров.

С другой стороны, цифровые технологии могут служить способом поиска и фиксации доказательств, существующих в нецифровой форме. Во многих областях криминалистики уже произошла цифровая модернизация, когда аналоговые устройства были заменены на цифровые [3, с. 230]. Причина такой цифровой модернизации очевидна: мобильность и скрытность произведения записи, отсутствие шумов, простота применения, заниженные требования к оператору записывающего устройства [16, с. 221]. Так, все следственные и криминалистические подразделения Следственного комитета РФ укомплектованы современными цифровыми фотоаппаратами, а немецкая полиция

использует цифровой 3D-сканер для фиксации следов шин или обуви на месте преступления¹. Через такую же модернизацию должны пройти и существующие следственные действия.

Уже много лет ученые и практикующие юристы обращают внимание на то, что действующая система следственных действий не отвечает духу времени и не предоставляет следствию достаточного инструментария для борьбы с преступностью, в особенности с киберпреступностью [6, с. 72–73]. В частности, отмечается абсурдность ч. 7 ст. 185 УПК РФ, предполагающей получение электронной почтовой переписки путем личного визита и изъятия электронных документов в отделении связи [9, с. 68–69], а также крайняя размытость между следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями.

Одновременно во многих странах проводится работа по модернизации следственных действий и автоматизации работы с доказательствами. Например, в Германии применяются программы для автоматического поиска и распознавания детской порнографии на изъятых у подозреваемого устройствах², алгоритмы анализа коммуникационных данных для определения статической и динамической геолокации смартфонов пособников обвиняемого³. Предпринимаются также попытки автоматизации допросов. В начале 2019 года в Шанхайском втором промежуточном суде состоялось рассмотрение уголовного дела с использованием программы «206 system». Эта программа может самостоятельно вести допрос и проводить предварительную проверку следственных действий на законность⁴.

Все эти инструменты должны быть не только инкорпорированы в уже существующие следственные действия, но и повлечь за собой более качественное регулирование проведения последних. Реализация функции ИИ-ассистента при следственном осмотре документов, например, должно сопровождаться введением правил о закреплении результатов осмотра и предупреждении участников процесса об использовании искусственного интеллекта (далее — ИИ). На уровне всего законодательства должны быть разработаны требования

к созданию и испытанию таких ИИ, призванных ассистировать следствию.

2. Введение новых, цифровых следственных действий

Концепция цифрового УПК подразумевает перевод производства по уголовным делам в виртуальное пространство, а также кардинальное переосмысление всей системы следственных действий. Это предполагает разработку новых правовых механизмов получения доказательственной информации в электронном виде.

Предложения о пополнении системы следственных действий новыми средствами процессуального доказывания, основанными на познавательных приемах, базирующихся на достижениях научного и технического прогресса в области высоких технологий, имеются в литературе и представляют определенный интерес [14, с. 812–818].

В качестве примера следует отметить компьютерное моделирование, вышедшее на новый уровень благодаря развитию компьютерного оборудования и нейросетей. Такое моделирование позволяет объединять все детали преступления в единую картину, а также устанавливать новые места для поиска потенциальных доказательств [19]. При этом компьютерное моделирование это не просто техническая обработка имеющейся информации — большое влияние на правильность его результатов оказывает деятельность следователя, правильное использование настроек и входящих данных. Поэтому при его осуществлении также требуется участие иных участников процесса, признание за ними права возражать против порядка проведения моделирования и его результатов. Подобные механизмы должны выходить из тени судебной экспертной деятельности в область процесса, гарантируя прозрачность и достоверность полученных доказательств.

Заслуживает внимания такое следственное действие, как онлайн-обыск, который используется в США, Германии, Нидерландах и Франции. Как пишет Я.-К. Вехаге (*J.-Ch. Wehage*), подобный доступ к информационно-техническим системам представляет собой внедрение в такие системы с возможностью получения данных, хранящихся там, технически не предусмотренным системой для этого способом [27, р. 5]. Другими словами, онлайн-обыск всегда предполагает правомерный взлом цифрового устройства, обход средств его защиты с целью получения доказательств по уголовному делу.

Для осуществления внедрения в данные системы используется специальный тип программ, относящихся к компьютерным вирусам и получивших наименование «*State Trojan*», т. е. ГосТроян. Программа устанавливается на компьютер обвиняемого (или иных лиц в случаях, предусмотренных законом), после чего может записывать

¹ Сайт научно-исследовательского института оптики и точного машиностроения Фраунхофера. URL: <https://www.iof.fraunhofer.de/> (дата обращения: 18.11.2023).

² Künstliche Intelligenz im Kampf gegen Kinderpornographie // Land Nordrhein-Westfalen. URL: <https://www.land.nrw.de/pressemittteilung/kuenstliche-intelligenz-im-kampf-gegen-kinderpornographie> (дата обращения: 20.11.2023).

³ Ewald U. Volatilität digitaler Beweise — Herausforderung für die Cyber-Strafverteidigung // Rechtsanwältinnen für Wirtschaftsstrafrecht in Kooperation. URL: <https://rechtsanwaeltinnen-wirtschaftsstrafrecht-berlin.de/volatilitaet-digitaler-beweise-herausforderung-fuer-die-cyber-strafverteidigung/> (дата обращения: 29.12.2023).

⁴ Китайский суд оснастили интеллектуальной информационной системой // ИА Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/2560256.html> (дата обращения: 20.11.2023).

видеозвонки, сохранять введенные пароли, самостоятельно включать микрофон устройства и веб-камеру для записи переговоров [20, р. 56]. Кроме этого, она может производить поиск определенных файлов на жестком диске устройства и передавать их следствию. Установка такой программы посредством входа в жилище обыскиваемого лица запрещена. На практике установка ГосТрояна осуществляется либо через публичные средства подключения (например, публичные Wi-Fi-роутеры), либо (что более трудоемко) напрямую через Интернет [2, с. 7–8].

Несмотря на то, что онлайн-обыск не лишен недостатков [7, с. 117–123], его применение может стать хорошей альтернативой удаленному исследованию компьютерной информации в рамках традиционного обыска в случаях расследования особо тяжких и резонансных преступлений, таких как терроризм, торговля людьми и т. п., характеризующихся высокой общественной опасностью и важностью временного фактора (чем дольше расследуется преступление, тем выше риск его повторения или увеличения вреда от него в будущем). Представляется, что возможные преимущества онлайн-обыска в таких делах будут превалировать над недостатками.

3. Таксономия следственных действий

Добавление модификаций существующих следственных действий и введение новых порождает проблему их правильного и своевременного применения, то есть создания новой иерархической системы следственных мероприятий. Когда следствие может применить онлайн-обыск? Требуется ли для проведения компьютерного моделирования осуществить предварительный осмотр места происшествия? Всегда ли оправдано применение ИИ-ассистента для анализа полученных доказательств?

Все эти вопросы должны быть разрешены посредством иерархического структурирования следственных действий (таксономии), а также введения оснований применения следственных действий в зависимости от характера и тяжести расследуемого преступления. При этом система должна быть основана на следующем принципе: чем более серьезное вмешательство в конституционные права граждан представляет собой следственное действие, тем больше формальных условий должно быть предусмотрено для его применения и/или санкционирования судом. При этом в число таких условий должно входить отсутствие результатов после проведения «более мягкого» по воздействию на права граждан следственного действия.

II. Цифровая (виртуальная) среда правоприменения

1. Элементы цифровой (виртуальной) среды

Переход на цифровую УПК потребует переработки и модернизации самой уголовно-процессуальной

деятельности. Отсутствие транспарентности, засилье бумажного документооборота, загруженность суда и следствия — все эти факторы создают благоприятную почву для волокиты, коррупции и злоупотребления процессуальными правами. Для минимизации этих рисков концепция цифрового УПК предполагает создание виртуальной среды правоприменения, то есть такой информационно-правовой компьютерной системы, которая включала бы в себя следующие элементы:

- 1) электронный документооборот,
- 2) электронный кабинет стороны уголовного процесса и ИИ-ассистент,
- 3) автоматизация процедурных правил УПК.

Все эти элементы призваны создать новое пространство правоприменения — с одной стороны безопасное и надежное, с другой — эффективное и доступное.

2. Неизбежность перехода

в цифровую (виртуальную) среду

В свое время переход уголовного производства с устного процесса к бумажному позволил всем участникам процесса материализовать уголовное дело, то есть увеличить степень контроля над ним и усилить достоверность доказательств. Процессуальные действия в обязательном порядке фиксируются в протоколах, ознакомившись с которыми суд может понять, что происходило, и какие сведения были получены. Однако у бумаги как носителя информации есть и свои минусы.

Во-первых, бумажные документы занимают место: и чем сложнее уголовное дело, тем больше документов в него поступает. Соответственно, в нем становится все тяжелее ориентироваться, ознакомление с ним занимает все больше времени, а передача материалов между различными инстанциями становится настоящим испытанием для канцелярий. Средний размер уголовного дела может достигать десятка томов — и это не предел. Это существенно затрудняет работу всех субъектов, а главное — требует большого количества времени.

Во-вторых, бумажные документы хрупки и уязвимы. Уголовное дело может пострадать от пожара, потеряться при пересылке, застрять в канцелярии. Бумажные документы могут быть сфальсифицированы, подложены, изъяты или повреждены при ознакомлении. В таких случаях восстановление материалов дела или установление подлога могут занять дополнительные силы и время.

В отсутствие альтернативных способов хранения и передачи информации, бумажные материалы дела представляются для профессионалов громоздким и уязвимым, но при этом чрезвычайно значимым колоссом, а для обывателей — «горой дорогостоящей чепухи» [5, с. 10].

Переход на цифровые способы создания и передачи процессуальных документов — это пример модернизации документооборота. Электронный

документооборот позволяет быстрее создавать документы, передавать их между ведомствами и инстанциями без риска потери процессуально значимой информации. Если бумажные материалы будут уничтожены, если склад вещественных доказательств сгорит, в распоряжении суда останется полный цифровой слепок всего уголовного дела. Технология электронного уголовного дела позволяет также упростить ознакомление с материалами дела, а также ориентирование в нем. Вместо того, чтобы листать бесчисленные страницы томов и их описей, судья может найти необходимый протокол или фотоснимок, сгруппировать доказательства по виду, хронологии появления или привязке к определенному эпизоду преступления. Другой пример: вместо бесконечных визитов к следователю для ознакомления с уголовным делом, адвокат может зайти в свой электронный кабинет и получить все интересующие его материалы «в один клик».

Переход уголовного процесса в виртуальную среду, более удобную и эффективную, — процесс долгий и требующий больших трудозатрат. Между тем опыт других стран показывает, что такой переход — это не сиюминутная фантазия ученых, а единственная возможность справиться с все возрастающим количеством и сложностью уголовных дел, обусловленными ростом населения и усложнением цифровых способов совершения преступлений. *Преступность переходит в онлайн — уголовная юстиция должна последовать за ней, если не хочет проиграть битву за правопорядок.*

Например, в соответствии со ст. 89с Федерального закона Австрии об организации судов, взаимодействие с участниками процесса через электронный документооборот является обязательным для адвоката, защитника, нотариуса, кредитных и страховых учреждений, социальных и пенсионных организаций и органов. Австрийским законодателем также предусмотрено формирование электронного досье, доступ к которому возможен для всех участников процесса при условии добросовестности его использования (ст. 89i), а также единой электронной базы судебных актов и уведомлений, размещенной в сети Интернет (ст. 89j). Аналогичные положения содержатся в законодательстве Эстонии, Англии и Уэльса [23].

В Дании судебные заседания по уголовным делам всегда проводятся в форме очных заседаний. Однако датский суд, руководствуясь статьей 32с Закона об отправлении правосудия, может разрешить участникам процесса присутствовать на заседании и совершать процессуальные действия удаленно посредством видео-конференц-связи (ВКС). Подсудимому данная возможность предоставляется только в том случае, если заседание может быть проведено и без его участия.

Эти примеры показывают, что уже сейчас происходит активное освоение сферы электронного

документооборота в уголовном процессе зарубежных стран, что делает его применение в России вопросом времени.

3. Преимущества цифровой (виртуальной) среды

Электронный документооборот, как и вся цифровая (виртуальная) среда правоприменения, безусловно, обладает неоспоримым преимуществом удобства. Однако это только один из множества плюсов данной технологии реализации процессуальных норм. При должной степени технического обеспечения цифровая среда может гарантировать защиту данных, то есть существенно снизить риск фальсификации материалов дела. Одно дело — подделать бумажный документ, другое — взломать защищенную компьютерную сеть, обойдя средства защиты, не оставив при этом видимых следов. Хотя такой риск хакерской атаки полностью исключить нельзя, риск того, что таким способом сможет воспользоваться среднестатистический пользователь компьютерной сети крайне низок. Государство призвано отвечать за обеспечение безопасности цифровой среды уголовного процесса — таким же образом, как обеспечивается безопасность межведомственного электронного оборота и оборонных систем.

Электронный документооборот обладает еще одним важным преимуществом — прозрачностью. Чем прозрачнее для участвующих лиц та или иная правовая процедура, тем более качественно она осуществляется, а уровень доверия и уважения общества к ее администратору (государству) увеличивается [4, с. 207–210; 21, р. 50]. Этого тезиса придерживается и Международный уголовный суд, согласно которому электронные документооборот и трансляция судебных заседаний могут не только привлечь общественность, но и создать доверие к деятельности суда, а также предотвратить появление ложных утверждений и дезинформации [24]. Аналогичные суждения содержатся и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 г. № 35¹.

Вместе с тем современное состояние прозрачности уголовного процесса в России явно недостаточно для того, чтобы считать его в полной мере удовлетворяющим изложенным критериям. Зачастую в ходе производства по уголовному делу между органами уголовного преследования и остальными лицами встает препятствие, которое трудно преодолеть. И если на стадии судебного разбирательства процедуры более-менее «прозрачны» и удобны в техническом отношении (подача

¹ Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139119/ (дата обращения 20.12.2023).

документов через ГАС «Правосудие», отправка судебных извещений посредством SMS-уведомлений и т. п.), то предварительное расследование является *terra incognita* для непрофессиональных участников процесса. По сути, в ходе предварительного расследования «никто ничего не знает, пока не дозвонится, не нажалуется или ему не сообщат»¹. Отсутствует какая-либо электронная карточка уголовного дела с минимальной информацией о нем.

Наконец, электронный документооборот напрямую увеличивает степень доступа лиц к правосудию: документы могут быть поданы удаленно, что особенно важно для лиц с ограниченными возможностями. Транспарентность и доступ к правосудию также повышают и другие технологии автоматизации уголовного процесса — речь идет о аудио- и видеопроколировании, проведении заседаний посредством видео-конференц-связи и виртуального зала судебного заседания [22, р. 151].

Таким образом, указанные выше технологии модернизации коммуникативной сферы уголовного процесса окажут существенное положительное влияние на уголовный процесс:

1) увеличивается качество и скорость проведения процесса, за счет чего повышается объем (максимум) дел, разрешаемых посредством него;

2) увеличивается степень прозрачности процесса, что приводит к сокращению коррупционных и фальсификационных рисков;

3) процесс становится более простым и удобным как для профессионалов, так и простых граждан, что снижает барьеры на доступ к правосудию;

4) повышается степень довольства общества деятельностью уголовной юстиции и степень общественного доверия к государству.

Введение электронного оборота и возможности совершать процессуальные действия онлайн позволит устранить указанные проблемы, сделать уголовный процесс прозрачным, упростить доступ граждан к уголовному правосудию, предоставит возможность отслеживать и своевременно получать информацию в той мере, которая предусмотрена законом.

III. Машиночитаемость правовых норм

1. Алгоритмизация права

Машиночитаемость — понятие в правовой действительности новое и еще не в полной мере осознанное как законодателем, так и общественностью, в том числе научным сообществом. Несмотря на это, специалистами Инновационного центра Сколково уже был представлен первый проект концепции

¹ Скобликов П. Противодействие правоохранитель заявителям на стадии возбуждения уголовного дела: заметка // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/discussion/2015/01/04/protivodejstvie_pravoohranitelej_zayaviteleyam_na_stadii_vozbuzhdeniya_ugolovnogo_dela__tipichnye_pri#comment_105356 (дата обращения: 29.12.2023).

машиночитаемого права², ставший предметом оживленных дискуссий на Петербургском международном юридическом форуме 9^{3/4} в 2021 году³.

Согласно указанной концепции, машиночитаемое право — формальное представление определенного набора правил (норм), относящихся к сфере права, основанное на онтологии права. Машиночитаемое право может включать набор юридически значимых метаданных, необходимых для формулирования и описания правовых норм в достаточном для решения практических задач объеме, а также алгоритмы, применяемые для каких-либо форм работы с правовыми документами или с нормами права. Предполагается, что такое использование правового материала, как пишет М. Сазонова, «сможет преобразовать формальное описание норм и адаптировать сложные языковые конструкции не только для людей без специальных юридических знаний, но и для функционирования интеллектуальных систем»⁴.

Иными словами, машиночитаемость права — это новый концепт юридической техники, согласно которому текст правового акта должен формироваться и представляться в виде, удобном не только для восприятия человека, но и обработки машиной, а именно алгоритмами искусственного интеллекта. Это означает, что текст каждой правовой нормы, а также их взаимосвязь друг с другом должны быть переосмыслены в свете новейших достижений информационных технологий, т. е. приспособлены для понимания компьютером с последующей возможностью их реализации машиной [15, с. 89].

Впервые мысли о том, чтобы сделать право доступным для считывания компьютером зародилась еще в 1957 году в статье Леймана Аллена «Символическая логика: острый инструмент для разработки и толкования юридических документов» (*Allen, Layman E. Symbolic Logic: A Razor-Edged Tool for Drafting and Interpreting Legal Documents*) [28]. Подход Леймана Аллена основывался на принципе, согласно которому знание, оперируемое компьютером, должно быть выражено в понятной для человека форме, а значит и строится на основе универсальной онтологии формальных законов и правил [25, р. 206–213]. И хотя попытки алгоритмизировать право предпринимались в дальнейшем множество раз, только в настоящее время

² Проект концепции развития технологий машиночитаемого права. Версия от 30.12.2020. URL: https://sk.ru/media/documents/30.12.2020_Проект_концепции_машиночитаемого_права.pdf (дата обращения: 10.11.2023).

³ Цифровой рубль, машиночитаемое право, битва деканов: трансляция второго дня Legal Forum 9^{3/4} // Экономика и Жизнь. URL: <https://www.eg-online.ru/news/436239/> (дата обращения: 05.11.2023).

⁴ Сазонова М. М. Машиночитаемое право: возможно ли его применение в ближайшем будущем? // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/news/1464143/> (дата обращения: 29.12.2023).

после, так называемого, «нейросетевого бума» стало возможным воплотить в жизнь идею машиночитаемого права.

2. Закон на языке искусственного интеллекта

В классическом программировании разработчик создает правила, после чего программа обрабатывает, согласно этим правилам, входящие данные и выдает ответ. При создании искусственного интеллекта (ИИ) компьютеру даются и данные, и ответы — его задача состоит в том, чтобы самостоятельно найти корреляции и правила, ведущие от полученных данных к правильным ответам. Этот процесс называется «обучением», хотя более точным термином является «усвоение». После него ИИ может обрабатывать новые входящие данные, применяя самостоятельно сформулированные им при обучении правила для выдачи ответов и прогнозов.

Обучение ИИ выглядит следующим образом: в вычислительную систему подается входящая информация в форме наборов больших данных. Каждая единица информации «лейблируется», то есть ей дается ее дискретное описание с помощью специальных меток-якорей. Эти якоря являются основой последующего процесса обучения — компьютер будет находить между ними корреляции и связи, позволяющие сделать правильный вывод [26, р. 22].

В процессе обучения один и тот же пакет входящих данных может «прогоняться» через вычислительные звенья бесчисленное количество раз, пока точность ответа не достигнет максимального показателя [18, с. 21–39]. Весь процесс обучения заключается в том, что *компьютер анализирует огромные объемы накопленных данных, выводит из них закономерности и применяет к новым задачам.*

Идея машиночитаемого права, таким образом, заключается в том, чтобы сделать текст закона подходящим для обучения ИИ. Этот концепт как нельзя полно описывает определение, данное машиночитаемому праву И. Понкиным. По мнению автора, машиночитаемое право — особая инструментальная онтология создания и представления актов нормативно-правового и нормативного технического регулирования... с трансформацией логики нормативных установлений в компьютерно-программную логику многократного использования, позволяющие... компьютерно-программным комплексам находить, «понимать» и интерпретировать тексты таких актов, а также их исполнять или обеспечивать их исполнение [12, с. 65].

Несмотря на свою громоздкость, это определение фиксирует основную суть идеи машиночитаемого права: закон должен быть написан не только для человека, но и компьютера. Текст закона теперь может, после его специальной обработки и обучения ИИ, быть для последнего таким же источником информации, как и другие тексты, написанные

на естественных языках — это наглядно доказано теми успехами, которые были достигнуты в последние годы в области перевода на иностранные языки текстов высокой сложности [8, с. 75].

3. Зачем нам машиночитаемый УПК

Итак, научив компьютер усваивать информацию, содержащуюся в законе, человек фактически увеличил количество субъектов восприятия правовой информации. Теперь не только человек может «прочитать» закон, но и компьютер. Впрочем, вопрос о том, может ли компьютер при этом понять смысл информации — «дух закона» — остается открытым [15].

Этот вопрос, однако, уходит на второй план при рассмотрении возможностей использования ИИ в процессуальных отраслях права, в том числе уголовном процессе. В отличие от материального права, процессуальные отрасли направлены в первую очередь на формирование конкретного алгоритма действий, выработанного на основе обобщения огромного опыта правоприменения [11, с. 4]. Стоит заметить, что *тот же самый принцип лежит в основе процесса обучения ИИ*, описанного выше, — на основе огромного количества повторяемых ситуаций вырабатывается универсальное правило.

Правоприменительная ориентация уголовного процесса позволяет применять машиночитаемые нормы для улучшения как качества работы суда и сторон процесса, так и пропускной способности системы уголовной юстиции в целом. Речь вовсе не идет о полноценной замене любого из правовых актов — только о создании более совершенных вспомогательных систем в их работе. Обученный на машиночитаемом УПК искусственный интеллект сможет:

1) быстро и качественно обобщать судебную практику, делая ее удобной для поиска как самими судьями, так и адвокатами;

2) проводить анализ действий следствия в реальном времени и выявлять таким образом процессуальные нарушения на стадии их совершения — правоприменитель получит шанс предотвратить свою ошибку;

3) качественно работать с цифровым материалом: не просто искать на изъятом жестком диске или сервере доказательственную информацию, но квалифицировать, систематизировать и анализировать ее;

4) служить электронным помощником для непрофессиональных участников процесса, облегчая им доступ к правосудию;

5) выявлять логические противоречия и неточности в существующих правовых нормах, стимулируя законодателя совершенствовать УПК РФ;

6) автоматизировать процедурные нормы, обусловленные логикой и структурой УПК РФ, сделав их транспарентными и снизив риски бюрократии и волокиты.

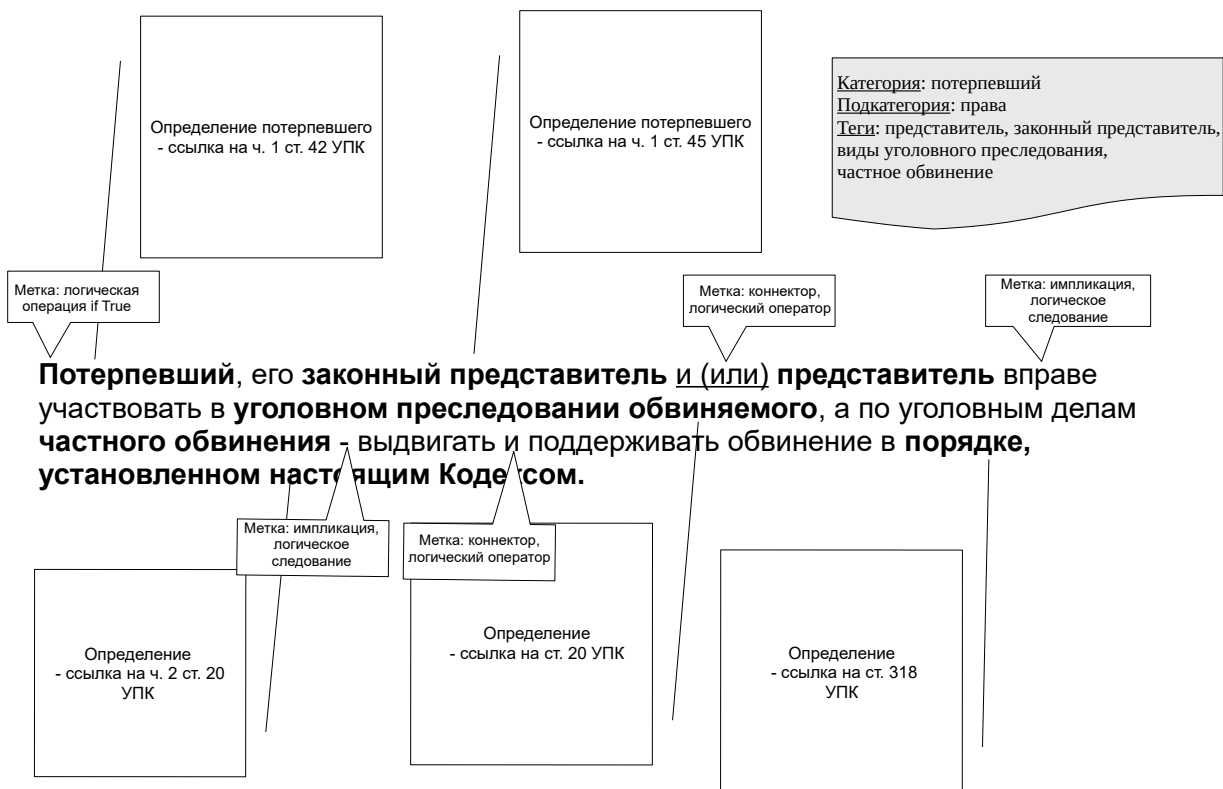

Рисунок 1 — Так может выглядеть норма статьи 22 УПК РФ в машиночитаемом виде в электронно-цифровой системе

Как мы видим, указанные функции не подразумевают принятия самостоятельного процессуального решения (для чего требуется понимать дух закона), а призваны лишь ассистировать субъектам процесса, помочь им предотвратить дорогостоящие процессуальные ошибки и сэкономить время- и трудозатраты всех участников процесса.

4. Новые стандарты юридической техники

Идеал машиночитаемого права — это нормативные правовые и судебные акты, имеющие строгую логическую структуру, не содержащие фактических и логических ошибок, создаваемые по унифицированному образцу, сразу с метками и тегами, полностью коррелирующие с другими правовыми актами. Другими словами, для того, чтобы машина смогла эффективно работать и обучаться на законе и судебной практике, ей нужна как минимум идеальная как локальная, так и глобальная юридическая техника написания правовых документов. Именно поэтому концепция цифрового УПК РФ предполагает не просто технологическую модернизацию процессуальной отрасли — она требует также повышения текущих стандартов юридической техники составления уголовно-процессуальных документов. Эти стандарты должны включать в себя следующие правила:

1) слова и фразы должны быть четкими и помечены мета-данными, чтобы к ним можно было применить логику компьютерного программного обеспечения;

2) семантика каждого элемента правовой нормы должна быть определена таким образом, чтобы компьютеры могли помочь людям достичь универсального понимания его значения и возможного использования;

3) по мере возможности каждый элемент и слово правовой нормы должны быть указаны с указанием взаимосвязи с другими элементами, чтобы компьютер мог обучаться и применять эти связи при решении возложенных на него задач;

4) текст в целом, а также отдельные статьи и нормы должны быть структурированы не только вертикально (как сейчас), но и горизонтально (рисунок 1).

5. Карточка уголовных дел (КУД) и электронное досье

Применение ИИ, обученного на машиночитаемом тексте уголовно-процессуального закона, позволит реализовать эту идею виртуального процесса, когда большая часть процессуальных действий может быть произведена онлайн, в том числе судебные заседания, обмен документами.

Став жертвой преступления, человек сможет заполнить заявление о преступлении и отправить его со своего компьютера через персональный аккаунт в сервисе «Госуслуги». При этом при подготовке заявления ИИ-ассистент автоматически проанализирует текст, определит территориальную и ведомственную подследственность и предложит потерпевшему выбрать компетентный

правоохранительный орган в качестве адресата. Уже это будет способствовать сокращению огромного числа заявлений от граждан, поданных не по подследственности и сократить расходы бюджета на пересылку документов и материалов проверки между отделами и ведомствами.

После подачи заявления для потерпевшего будет автоматически открыт доступ к только что созданной карточке в картотеке уголовных дел (КУД), где будут указаны стадия процесса (проверка сообщения о преступлении), а также уполномоченное лицо, осуществляющее проверку. При принятии процессуального решения данные в карточке дела изменяться, а сообщение об изменении будет направлено потерпевшему на электронную почту. Так, при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела статус дела изменится на «предварительное следствие».

Предполагается, что такая автоматизация позволит решить проблему «глухих телефонов», когда потерпевшие не имеют понятия, кто рассматривает их заявление и чем завершилась доследственная проверка [1, с. 227], а также сократит расходы бюджета на отправку почтовой корреспонденции заявителям и пересылку материалов проверки между следствием и прокуратурой.

Аналогичным образом карточка дела будет дополняться информацией о судебных заседаниях с возможностью подачи электронных ходатайств и участия в заседаниях в режиме онлайн. Через нее также можно будет ходатайствовать об ознакомлении с делом и получить электронную копию материалов в том объеме, который предусмотрен для соответствующего участника процесса. Отдельные процедуры смогут выполняться автоматически самой системой: например, передача электронной копии апелляционной жалобы в суд апелляционной инстанции.

Противники виртуализации уголовного процесса могут возразить, что такая прозрачность сделает его уязвимым для утечек информации и создаст угрозу эффективному следствию. Такую позицию можно обосновать тем, что гласность на досудебных стадиях уголовного процесса ограничена в силу угрозы еще не оконченному расследованию и существованию рисков уничтожения преступником следов преступления. Кроме того, существует прямо запрет на разглашение данных предварительного расследования, закрепленный в ст. 161 УПК РФ [13].

На это можно возразить тем, что в рамках электронного оборота никто не говорит о необходимости публикации сведений об уголовном деле в открытом публичном доступе. Электронный оборот должен служить цели упорядочения обмена информацией только между участниками процесса. При этом у каждого участника процесса должен быть доступ к той части электронного

досье, которая может быть ему доступна в силу процессуального статуса.

Технически это легко реализуется по примеру процедуры упрощенного производства в арбитражном процессе: все документы по делу формируются в электронном досье, доступ к которому ограничен и имеется только у участников процесса в объеме, соответствующем их процессуальному положению: полный доступ предоставляется только следователю.

Более того, предоставление доступа к электронному уголовному делу кажется перспективным решением проблемы частого злоупотребления сторонами правом ознакомления с уголовным делом после окончания предварительного следствия в порядке ст. 216–217 УПК РФ [10, с. 30–34]. Разумным было бы для обвиняемых, не находящихся под стражей, их представителей, а также иных участников процесса предусмотреть альтернативную возможность ознакомления с делом путем предоставления доступа к электронному досье, содержащему все необходимые документы, постановления, доказательства. Это решило бы проблему постоянных визитов адвоката к следователю, траты времени на фотографирование, выписывание, согласование со следователем графика ознакомления и т. п. При этом лицо, получившее доступ к своей версии электронного дела, автоматически лишается возможности каким-либо образом недобросовестно затян timer ознакомление.

Результат исследования и выводы

Уголовно-процессуальное право — исторически изменчивая правовая категория. Принципы и понятия науки уголовного процесса, в силу своей универсальности, содержат в себе практически безграничные возможности для роста и эволюции отдельных правовых норм и институтов. Отличительной особенностью данной отрасли права является ее способность реагировать на изменения социальной среды.

Текущее положение развития науки и техники обусловило появление нового типа общества — информационного общества, которому свойственны свои потребности и проблемы. На фоне этих изменений уголовно-процессуальное право должно адаптироваться к новой среде, эволюционировать, цифровизироваться. Эти изменения — не сиюминутная прихоть общества, а необходимость и даже более того — неизбежность. Чем раньше это будет понято наукой и законодателем, тем быстрее и безболезненно пройдет процесс трансформации уголовного судопроизводства.

Одним из шагов к такой неизбежной трансформации является разработка и внедрение концепции Цифрового УПК, который определяется не по наименованию, а по сути регулируемых отношений в сфере уголовного судопроизводства,

осуществляемого посредством цифрового видеоформата, электронного документооборота и машиночитаемого текста уголовно-процессуально-го закона.

Исходя из вышеизложенного, под цифровым УПК следует понимать нормативно-правовой акт,

призванный регулировать уголовно-процессуальные отношения, возникающие в цифровой среде в связи с осуществлением уголовного преследования лиц, совершивших преступления, а также обеспечивать отправление правосудия, в том числе путем использования машиночитаемого юридического текста.

Список источников

1. Александрова Л. А. Полномочия сотрудников органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 2. С. 223–228. DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-2-223-229
2. Бродовски Д., Ян М. Цифровые доказательства в немецком уголовном процессе на стадиях предварительного расследования, рассмотрения дела по существу и ревизии // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3 (117). С. 7–8. DOI: 10.34076/2410-2709-2020-4-18
3. Бурыка Д. А., Егорова Е. В. Меркулова М. В. Правовые и тактические особенности производства отдельных следственных действий : монография. Москва, 2015. 352 с.
4. Бухарев А. В. Обеспечение открытости и прозрачности деятельности судебной системы на современном этапе судебной реформы // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 3. С. 207–210.
5. Диккенс Ч. Собрание сочинений. В 30 томах. Том 17. Холодный дом. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1960. 564 с.
6. Дубоносов Е. С., Яшин В. Н. Анализ перспектив развития отечественной системы следственных действий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 72–73.
7. Зазулин А. И. Онлайн-обыск как самостоятельное следственное действие: предпосылки, перспективы и недостатки // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 28 апреля 2022 года). В 2-х частях. Часть 1. Казань, 2022. С. 117–123.
8. Колин К. К., Пшеничный С. И., Хорошилов А. А., Никитин Ю. В. Искусственный интеллект в технологиях машинного перевода // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2 (4). С. 64–80. DOI: 10.31249/snsn/2021.02.05
9. Коновалов П. Н. Специфика уголовно-процессуального регулирования получения сведений, составляющих охраняемую законом тайну // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 68–69.
10. Костенко К. А. Проблемы теории и практики противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника // Российский судья. 2016. № 9. С. 30–34.
11. Комиссаров К. И. Последовательно прогрессивное развитие советского гражданского процессуального права // Проблемы действия и совершенствования советского гражданского процессуального права. Свердловск, 1982. С. 3–7.
12. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerTexe, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8, № 9. С. 29–67.
13. Сегал О. А. Проблемы реализации гласности в уголовном процессе РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 198 с.
14. Субботин Р. В. Тенденция пополнения системы следственных действия новыми видами // Аллея науки. 2021. Т. 2, № 5 (56). С. 812–818.
15. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. Москва : Российская академия наук ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М, 2020. 176 с.
16. Хаитжанов А., Глазков А. С. Аудиозапись (фонограмма) как доказательство в уголовном процессе // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2011. Т. 1. С. 221–223.
17. Холопов А. В. Применение цифровых технологий фиксации аудиовизуальной информации в уголовном производстве : учебное пособие Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.) Акад. Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, 2010. 72 с.
18. Ын А., Су К. Теоретический минимум по Big Data. Все, что нужно знать о больших данных. Санкт-Петербург : Питер, 2019. 205 с.
19. Aquila I., Sacco M. A., Aquila G., Raffaele R., Manca A., Capocchia G., Cordasco F., Ricci P. The Reconstruction of the Dynamic of a Murder Using 3D Motion Capture and 3D Model Buildings: The Investigation of a Dubious Forensic Case // J Forensic Sci. 2019. Vol. 64, Iss. 5. P. 1540–1543. DOI: 10.1111/1556-4029.14041

20. Ramalo D. S. The use of malware as a means of obtaining evidence in Portuguese criminal proceedings // Digital Evidence and Electronic Signature Law Review. 2014. Vol. 11. P. 55–75. DOI: 10.14296/deeslr.v11i0.2125
21. Bender M. Unmuted: Solutions to Safeguard Constitutional Rights in Virtual Courtrooms and How Technology Can Expand Access to Quality Counsel and Transparency in the Criminal Justice System // Villanova Law Review. 2021. Vol. 66. P. 1–61.
22. Sabel O. Technische Aufzeichnung der Hauptverhandlung: Stand der Diskussion und rechtspolitische Überlegungen zur Einführung einer audiovisuellen Dokumentation strafgerichtlicher Hauptverhandlungen // Digitalisierung und Strafverfahren. Nomos. 2020. P. 151–162.
23. Seepma A. P., de Blok C., Van Donk D. P. Designing digital public service supply chains: four country-based cases in criminal justice // Supply Chain Management. 2021. Vol. 26, No. 3. P. 418–446. DOI: 10.1108/SCM-03-2019-0111
24. Decision on Information and Outreach for the Victims of the Situation. 13 July 2018. ICC-01/18-2 // ICC Legal Tools Database. URL: <http://www.legal-tools.org/doc/242316/> (дата обращения: 29.12.2023).
25. Chiswell I., Hodges W. Mathematical Logic. Oxford University Press, 2007. 250 p.
26. Hutson M. AI in Action: How algorithms can analyze the mood of the masses // Science. 2017. Vol. 357, No 6346. URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.357.6346.23>
27. Wehage J.-Ch. Das Grundrecht auf Gewährleistung der Vertraulichkeit und Integrität informationstechnischer Systeme und seine Auswirkungen auf das Bürgerliche Recht. Universitätsverlag Göttingen, 2013. 251 p. URL: <https://univerlag.uni-goettingen.de/handle/3/isbn-978-3-86395-123-8> (дата обращения: 29.12.2023).
28. Allen L. E. Symbolic Logic: A Razor-Edged Tool for Drafting and Interpreting Legal Documents // Yale Law Journal. 1957. Vol. 66, no. 6. P. 833–879.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

Дата поступления статьи / Received: 08.01.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 13.02.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.02.2024.